

Bektursun T. Dzhanibekov, Ph. D. in Philosophy
Kyrgyz-Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyzstan)
bektursun58@list.ru

IS THE EURASIANISM A NEW IDEOLOGY OF THE 21ST CENTURY?

Abstract. Numerous crimes against humanity committed by totalitarian regimes in the 20th century triggered strong public distrust to any political ideology that defines mass political consciousness. Besides of it, an ideology still is significant structural element of reproduction of social beingness, and because of it learning of an ideology phenomenon from the points of view of ontology has some considerable heuristical potential. A political ideology as a substantial part of a person's worldview positions has noticeable influences on his or her social, political, or ethnic identity. In information society, an ideology can be considered as a powerful tool for promoting economic and political interests of political life actors, their integrational ideas and projects.

Keywords: *an ideology, information society, functions of an ideology, the Eurasianism, Eurasianism ideology, a state, end of an ideology, re-ideologization.*

УДК 316.722(470+571+571.1/.5):327.5(4/5)

DOI: 10.32340/2414-9101-2020-3-12-20

А. В. Иванов, доктор философских наук, профессор
Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)
ivanov_a_v_58@mail.ru

С. М. Журавлёва, кандидат философских наук, доцент
Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)
jurav27@yandex.ru

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ: ПОНЯТИЕ, ВЫЗОВЫ, ЗАДАЧИ РОССИИ И СИБИРИ

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований (проект № 20-011-31304)

*«Сибирь для всей России:
основания и механизмы духовно-экологической цивилизационной трансформации»*

Аннотация. С позиций цивилизационного подхода проанализированы смысловые нюансы содержания геополитического термина «*Большая Евразия*», вошедшего в научный оборот после программной декларации генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Китая Си Цзиньпина (представлена в столице Казахстана в 2013 г.) о старте международного проекта «*Экономический пояс Шёлкового пути*», нацеленного на создание тесно интегрированного евроазиатского экономического пространства и системы трансконтинентальных транспортных (сухопутного (железнодорожного) и морского) коридоров. Согласно точке зрения авторов статьи, Большая Евразия включает в себя вступающие в период интенсивной интеграции мегацивилизации Востока и Северной (Внутренней или «*малой*») Евразии, к которой принадлежит Россия. В статье охарактеризован перечень ключевых вызовов и проблем, с которыми сталкиваются государства, претендующие на занятие лидерских позиций в региональных интеграционных процессах (Китай, Россия); проанализированы текущие задачи России и Сибири в современных крупных геополитических проектах Евразии.

Ключевые слова: *Большая Евразия, Северная («малая») Евразия, Россия, Сибирь, мегацивилизация, интеграция, цивилизационный подход, проект «Экономический пояс Шёлкового пути».*

В сентябре 2013 года, выступая в Астане в «Назарбаев Университете», лидер Китая Си Цзиньпин впервые предложил проект «Экономический пояс Шёлкового пути». Позднее этот проект трансформировался в более детальную и амбициозную концепцию «Один пояс – Один путь», в котором была предложена китайская версия экономической и культурной интеграции государств Евразии на основе прокладки многочисленных транспортных коридоров из Китая преимущественно в западном и юго-западном направлениях, а также реализации совместно с Китаем различных инфраструктурных и промышленных проектов. Российским ответом на китайскую инициативу стала концепция «Большого евразийского партнёрства», высказанная В. В. Путиным в послании Федеральному собранию Российской Федерации в декабре 2015 года. Она декларировала начало формирование партнёрских экономических отношений между странами – членами таких уже сформировавшихся на Востоке межгосударственных объединений, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

С этого момента в политический и научный оборот прочно вошло понятие «Большой Евразии», как новой геополитической и геоэкономической реальности, выступающей потенциальным коллективным субъектом международных отношений нового типа, в основу которых положено равноправие, уважение политического суверенитета и культурной самобытности стран. Многие исследователи видят в этом начало нового – не западного – типа глобализации, где лидерами становятся народы Востока, избавившиеся от роли пассивных объектов мировой политики и играющие по своим политическим, экономическим и культурным правилам.

Однако новый термин «Большая Евразия» тут же вызвал массу споров в научных и политических кругах, и до сих пор остаётся весьма туманным геополитическим концептом. Некоторые считают, что под Большой Евразией следует понимать все пространство евроазиатского континента от Шанхая до Лиссабона, вступающего в новый этап международного сотрудничества. Но в этом случае она ничем не отличается от чисто географического понятия «евроазиатского континента» или «Старого Света». С. А. Караганов, один из активных лоббистов этого понятия, полагает, что оно «нацелено на совместное экономическое, политическое и культурное возрождение и развитие десятков в прошлом частью отсталых или подавлявшихся евроазиатских стран, превращение Евразии в центр мировой экономики, политики и культуры. Он будет включать в себя как страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, центра Евразии, Россию, так и, видимо, в растущей степени страны европейского субконтинента и их организации, в той мере, в какой они будут способны и настроены на конструктивное сотрудничество [1, с. 13–14]. Ещё более широкого взгляда на Большую Евразию придерживаются А. В. Яковец и Е. Е. Растворцев, включая в неё не только страны и объединения всего евроазиатского континента, но и регион Северной Африки [2].

Сугубо политический и экономический смысл вкладывают в понятие Большой Евразии Д. В. Суслов и А. С. Пятачкова, понимая под ним «региональное международное сообщество, формирующееся естественным путём вследствие сложения трёх активно реализуемых тенденций: поворот России на восток, поворот Китая на запад, а также создание Евразийского экономического союза и его постепенное вплетение в ткань экономических и интеграционных отношений в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии... Большая Евразия уже сформировалась как международно-политическая реальность [3, с. 20–21].

Разнообразные трактовки Большой Евразии, как они представлены в современной научной литературе, носят, во-первых, преимущественно геополитический, географический или экономический характер. Во-вторых, во многом описательны и ситуативны, т. е. фиксируют непосредственно данные политические реалии без учёта их устойчивых оснований и тенденций развития. Иными словами, термин «Большая Евразия» лишь контурно и весьма приблизительно очерчивает новую геополитическую ситуацию на евроазиатском континенте, но пока явно лишён объяснительного и предсказательного потенциала. Существующим трактовкам Большой Евразии, явно не хватает цивилизационного подхода, дающего панорамное видение этой новой геополитической реальности.

Соответственно, на наш взгляд, **нет никаких оснований, развивая концепцию Большой Евразии, отказываться от классического цивилизационного выделения на географическом пространстве евроазиатского континента (или Старого Света) трёх мегацивилизаций (или культурно-географических миров в другой терминологии): Запада, Северной (или Внутренней) Евразии и Востока.**

В рамках западной (или европейской) мегацивилизации классическое евразийство и его предшественники выделяли две цивилизационные части: романскую и германскую. «Европа, – писал в этой связи Н. Я. Данилевский, – есть поприще германо-романской цивилизации – ни более, ни менее; или, по употребительному метафорическому способу выражения, Европа есть сама германо-романская цивилизация. Оба эти слова – синонимы» [4, с. 79]. При относительном единстве Европы в разделении её романской и германской частей есть вполне рациональный смысл, ибо европейская лингвокультурная общность образована народами, говорящими на романских языках (португальцы, испанцы, каталонцы, французы, итальянцы, румыны, молдаване) и населяющими в основном западные и южные районы Европы; и народами, говорящими на германских языках (англичане, немцы, шведы, норвежцы, датчане, исландцы), обжившими преимущественно её северные территории. Между этими двумя самыми большими группами единого европейского культурно-географического мира существуют известные этнопсихологические и культурные различия. Так, романские народы ведут свою культурную и этническую родословную от римской империи (цивилизации ромеев) и представляют в основном католическую Европу. Исторические и культурные корни германских народов уходят в глубины евразийской индоевропейской древности, связанной с великим переселением народов. Север Европы – это в основном Европа языческая и протестантская. Есть свои особенности и у литератур на романских и германских языках, а также в музыкальном искусстве, философии, культурной и колониальной политике и т. д. Так, по мнению ряда искусствоведов, выдающиеся традиции оперного искусства Испании, Франции и особенно Италии – это во многом результат фонематического строения романских языков и соответствующей работы голосовых связок, благоприятных для развития искусства оперного пения. В свою очередь, немецкая классическая философия стала возможной благодаря грамматическому богатству немецкого языка, способному выразить тончайшие смысловые и логические оттенки мысли, а также общему рационалистическому духу немецкой реформации. Германский север Европы, как считал известный отечественный геополитик и филолог В. И. Ламанский, отличается большой политической агрессивностью и склонностью к внешней экспансии, особенно в восточном направлении.

После становления Соединённых Штатов Америки, в формирование которых наибольший вклад внесла Англия, внутри западного мира оформился особый, связанный с освоением океана, англо-саксонский либерально-демократический *океанический* мир, в известной степени противостоящий *континентальной* Европе, олицетворяемой Германией. Именно англо-саксонский мир является наиболее зримым воплощением западного *техногенно-потребительского глобализма*, нацеленного на политическое и экономическое доминирование, интеллектуальное и культурное лидерство.

При всех своих различиях и даже обострившихся в последнее время внутренних противоречиях Запад, как единая мегацивилизация, характеризуется общими индивидуалистическими, рационалистическими и рыночно-либеральными ценностями, конкурентно-конфликтной экономической и политической ментальностью, нацеленностью на культурный монолог и антропологическое доминирование.

В рамках Восточной мегацивилизации можно, в свою очередь, выделить западный исламский Восток (или исламскую цивилизацию); южный индуистский Восток (индийскую цивилизацию); буддийскую юго-восточную и восточную Азию, где самобытными субцивилизациями являются Индонезия, страны Индокитая, Япония, Корея и, конечно, Китай. При всех своих глубоких цивилизационных и субцивилизационных различиях, даже конфликтах, например, между индуистской Индией и исламским Пакистаном, суннитской Турцией и шиитским Ираном, буддий-

ской Кореей и буддийско-синтоистской Японией, конфуцианским Китаем и той же Южной Кореей, восточная мегацивилизация отличается рядом общих культурных, политических и ментальных черт. К ним можно отнести культурный традиционализм, особое почитание семьи и родственных отношений, глубокую религиозность, коллективистские идеалы общежития, наличие сильной интуитивно-мистической составляющей в религиозных и философских представлениях, а также меньшую по сравнению с Европой склонность (за исключением исламской цивилизации и Японии) к насильственно-силовому решению политических проблем и к идейной конфронтации.

Можно также говорить о большом миротворческом и культурно-диалогическом потенциале традиционных восточных культур, особенно Индии, что, безусловно, является важной мировоззренческой и культурной предпосылкой будущего объединения Большой Евразии, отличного от западных глобальных проектов. Именно неприятие западных ценностных установок и породило в последнее десятилетие стремление стран Востока и малой Евразии, речь о которой впереди, к поиску новых форм интеграции. Неплохой анализ этих интеграционных проектов, принадлежащим разным странам (Китаю, Южной Корее, Турции, Индии, Японии, Казахстану и Монголии) можно найти в монографии М. С. Михалева, В. И. Якунина и М. В. Вилисова «Пояса и пути Евразии: в поисках человека» [5].

К сожалению, большинству отечественных политологических, экономических и географических работ, посвящённых Большой Евразии, включая и те монографии, которые упоминались выше, чуждо понимание России, как важнейшей части **евразийской мегацивилизации**, лежащей между мегацивилизациями Востока и Запада. Это также свойственно и многим чиновникам, ответственным за разработку российского внешнеполитического курса. Так, А. В. Кортуннов, генеральный директор и член Президиума Российского совета по международным делам, трактует Россию как сугубо европейскую, а не «какую-то малопонятную гибридную “евразийскую страну”» [6, с. 68].

Однако вопреки мнению автора, ничего малопонятного в трактовке России, как евразийской державы, вовсе нет. Уже А. С. Пушкин не считал нашу страну частью Европы, говоря, что познание России требует «другой формулы», чем познание христианского Запада. Основы этой «другой формулы» заложены им самим в знаменитом стихотворении «Памятник», который можно считать исходной концептуальной матрицей всей последующей евразийской доктрины. В евразийскую Россию («Русь Великую») Пушкин не только безошибочно точно включает все ключевые этносы Северной (или Внутренней, или Континентальной, или «малой») ¹ Евразии: славян, тюрков, угро-финнов и палеоазиатские народы Севера, но и выделяет общие ценностные основы, которые эти евразийские этносы объединяют. Особенно важна «милость к падшим», гениально схваченная Пушкиным. Именно она зримо отличает евразийские ценностные приоритеты от европейских ценностных устоев. Россия всегда щадила своих поверженных врагов в отличие от западных стран, стремящихся «дожать» и уничтожить своих политических конкурентов. Нынешние антизападные настроения в России – во многом плод этой близорукой политики Европы и США в 90-ые годы прошлого века, попытавшихся эгоистически выжать для себя максимум из победы над СССР в холодной войне. Нынешнее формирование Большой Евразии на не западных правилах «цивилизационной игры» – реакция восточных стран на колониалистскую ментальность Европы и США.

Возвращаясь к цивилизационному своеобразию Северной Евразии, в целом пространственно совпадающей с территорией бывшего СССР, следует отметить, что значительный вклад в его понимание, помимо упоминавшихся Н. Я. Данилевского и В. И. Ламанского, внесли славянофилы (особенно А. С. Хомяков) и К. Н. Леонтьев, Ф. М. Достоевский и Д. И. Менделеев. В XX веке, помимо классиков евразийства и Л. Н. Гумилёва, евразийские взгляды на цивилизационную самобытность России развивали Н. К. и Ю. Н. Рерихи, отечественный литературовед и историк В. В. Кожин, философ и политолог А. С. Панарин. Сегодня взгляд на своеобразие евразийской

¹ Все эти атрибуты вполне правомерны для выделения пространства евразийской мегацивилизации в рамках всего евроазиатского континента.

цивилизационной общности разделяют многие не только отечественные, но и зарубежные (монгольские, казахстанские, белорусские, украинские и др.) учёные. Можно указать на монгольского учёного Н. Х. Цэдэва, написавшего специальную статью «Евразийская идея глазами монгола» [7].

Евразийскую цивилизацию характеризуют достаточно чёткие географические границы на севере, западе, востоке и юге евроазиатского континента; «флагоподобное» широтное расположение природно-климатических зон (тундра – лес – степь – пустыня), отличающее её и от Востока, и от Запада; а также историческое единство и психологическая комплиментарность населяющих её народов. Евразийское пространство полиэтнично, поликультурно и поликонфессионально, на нем нет более и менее «развитых» или «просвещённых» народов, хотя в последние столетия именно русский народ выполняет на нем особую собирательную миссию, что даже дало основание В. В. Кожинуву утверждать, что подлинное евразийское единство возможно лишь в «магнитном поле» русского народа [8, с. 233].

Трагически политически распавшееся в результате крушения СССР пространство «малой» Евразии не перестало, однако существовать как живое цивилизационное единство, так или иначе тяготеющее к различным формам объединения, о чём ещё будет сказано ниже.

Мы сделали столь пространный цивилизационный экскурс, чтобы обосновать ключевой тезис: под Большой Евразией следует понимать усиливающееся экономическое, политическое и, будем надеяться, культурное взаимодействие стран «малой Евразии», где первичной формой их нового внутреннего мегацивилизационного объединения выступает ЕАЭС, со странами Востока, и последних между собой. **Проще говоря, Большая Евразия – это евроазиатский континент без Европы**, но который, объединяясь в первую очередь внутри себя, вовсе не отталкивает Европу и коллективный Запад, а готов и обязательно будет сотрудничать с ними, но только на иных, не западных, пока ещё только формирующихся, международных принципах и ценностных устоях. **Запад не смог интегрировать мир на принципах справедливости и гуманности. Теперь эту миссию берут на себя страны Большой Евразии.**

Данный тезис с необходимостью ставит вопрос о цивилизационных задачах России и Сибири, как её восточной части, в интеграции Большой Евразии. Понятно, что эта проблема столь сложна и многомерна, что исключает простые ответы и требует комплексного анализа с участием учёных разных специальностей. То, что будет сказано ниже, – не более, чем попытка философски очертить контуры этих задач.

Во-первых, с позиций цивилизационного подхода приоритетной для России в рамках Большой Евразии является задача нового объединения «малой Евразии», как единой срединной мегацивилизации, где речь, конечно, должна идти не о возвращении к единому государству, а о более тесной политической, хозяйственной и культурной интеграции стран, некогда входивших в состав российской империи и СССР. Предпосылками подобной интеграции являются не ослабевающая, а только усиливающаяся со временем ностальгия населения бывших союзных республик по временам Советского Союза, массовая работа жителей Средней Азии, как органической части «малой Евразии», на предприятиях в России, а также объективная потребность в инфраструктурной и экономической интеграции, ибо только она способна повысить конкурентоспособность континентальных стран по сравнению со странами океаническими, которые объективно всегда находятся в лучшем положении при нынешних экономических «правилах игры». Это касается, прежде всего, транспортных издержек, поскольку сухопутный транспорт намного дороже морского. Даже Китай, проводящий ныне политику развития сухопутных транспортных коридоров в Евразии, 98 % своей продукции экспортирует морским путём.

Во-вторых, к Центральной Азии в точном смысле слова относятся пограничные цивилизационные регионы пустынного Синьцзяна и высокогорного Тибета, испокон веков бывшие ареной взаимодействия (то мирного, то военного) буддийской, исламской, китайской (конфуцианско-буддийской) и индийской (сначала буддийской, а потом индуистской) цивилизаций. Что касается Синьцзяна, то он вообще населён евразийскими кочевыми этносами, прежде всего уйгурами, а Джунгария (северная часть Синьцзяна) вместе с Монголией и вовсе не без оснований рассматри-

вается некоторыми авторами как органическая часть евразийского цивилизационного пространства. Сегодня Тибет и Синьцзян входят в состав Китая, испытывающего в связи с этим огромные именно цивилизационные проблемы, которые никак не удаётся решить чисто экономическими и военно-политическими методами.

Все это заставляет критически отнестись к претензиям Китая, выступить в роли лидера объединяющейся Большой Евразии, способного действовать в интересах всех её участников, хотя эта позиция активно пропагандируется Китаем в рамках программы «Один пояс – один путь». Для справедливой и взаимовыгодной – **соборной** – интеграции Большой Евразии, а тем более объединения стран, принадлежащих к «малому» евразийскому цивилизационному пространству, у Китая, в отличие от России, сколь бы парадоксально это ни звучало, просто **нет необходимого исторического опыта, как нет и ценностных императивов выстраивания равноправных и доверительных отношений с другими странами**. Китайская цивилизация испокон веков нацелена не на соборное единение с другими народами и культурами, а в лучшем случае на автономное сосуществование рядом с ними (так живут во всех странах мира китайские диаспоры), в худшем – на глобальное доминирование. Несмотря на все свои великие экономические и культурные достижения, китайская цивилизация слишком прагматична, эгоистична и, если считает необходимым, не стесняется насильственных методов подчинения других народов. Неслучайно у западных монголов, хорошо помнящих геноцид со стороны цинского Китая в XVII–XVIII веках, существует поговорка о китайцах: «На устах мёд – на сердце лёд». Весьма показательны публикации последних месяцев в китайской прессе с призывами к Казахстану и Киргизии вернуться в состав Китая, что вызвало резко негативную реакцию со стороны руководства Казахстана [9].

Что касается нынешнего Синьцзяна, то он сегодня полностью отрезан от внешнего мира. Уйгурское население находится под жёстким электронным контролем со стороны властей и подвергается репрессиям. Не лучше ситуация и в Тибете. К сожалению, нынешний Китай, который можно назвать потребительно и имперски ориентированной «азиатской Америкой», во многом забыл о тех базовых духовных ценностях, которые лежали в основании великой китайской цивилизации, просуществовавшей века. Эти ценности заложены уже в «осевых» текстах китайской культуры – в «Шицзине» (Книге песен), «И-цзине» (Книге перемен), «Дао дэ цзине» и «Лунь Юе». К таким ценностям относятся нестяжательство, смирение гордыни и добросердечие. Последний момент особенно важен. Возвращение к «Философия сердца», развивавшейся в китайской философии в течение столетий, помогло бы великой стране преодолеть материально-потребительские и имперские соблазны и, действительно, превратиться в одного из лидеров объединения Большой Евразии.

Что касается китайского вектора российской политики, то, сохраняя дружественные и динамичные отношения с великим восточным соседом, Россия должна последовательнее и жёстче отстаивать свои национальные интересы и почаще напоминать амбициозным китайским товарищам о забытых ими традиционных ценностях Поднебесной, без которых в подлинно великую мировую державу Китаю превратиться сложно, а вот повторить судьбу многих исчезнувших империй очень просто.

В-третьих, устойчивыми геополитическими союзниками России в Большой Евразии являются две страны – Монголия и Индия. Только индийская цивилизация на пространствах Большой Евразии является столь же поликонфессиональной, поликультурной и многонациональной, обладает столь же большим миротворческим и культурно-синтетическим потенциалом, как и мегацивилизация евразийская, к которой принадлежит Россия. Отсюда уходящие вглубь столетий взаимные культурные симпатии и политические тяготения между Россией и Индией. Более того, как показывают современные междисциплинарные российско-индийские исследования, торговопаломнические пути между Северной и Южной Евразией, между Сибирью и Северной Индией существовали с древнейших времён вплоть до середины XX века [10]. Известно также, какой большой совместный вклад внесли Россия и Индия в укрепление безопасности и мирного сотрудничества народов в 50-80-ые годы прошлого века, в уже ставшую легендарной эпоху «разрядки международной напряжённости».

Поэтому, на наш взгляд, важнейшим фактором обеспечения геополитической устойчивости формирующейся Большой Евразии является всестороннее укрепление многосторонних российско-индийских и особенно сибирско-индийских связей. Здесь важнейшую роль призваны сыграть ныне активно обсуждающиеся меридиональные транспортно-энергетические евразийские коридоры. Анализ предпосылок и возможностей прокладки таких коридоров предпринят в совместной статье российских и индийских авторов [11].

Укрепление российско-индийских связей объективно выгодно и Китаю, который в любом случае оказывается в самом сердце широтных и меридиональных транспортно-энергетических и «цивилизационных коридоров» Большой Евразии. Возможно, более глубокий цивилизационный диалог с Россией и восстановление добрососедских связей с Индией помогли бы Китаю более эффективно решать и свои внутренние проблемы.

Что касается Монголии, то выше мы писали о её евразийском цивилизационном статусе. Соответствующую аргументацию и эмпирический социологический материал можно найти в коллективной российско-монгольской монографии, изданной на двух языках [12]. Несмотря на охлаждение отношений в 90-ые годы прошлого века и в начале века нынешнего, можно констатировать, что сегодня идёт неуклонное восстановление российско-монгольских связей. Обидно, что препятствием к их более быстрому развитию чаще служит не монгольская, а именно российская сторона в лице чиновников разного уровня, не знающих и не понимающих монгольский народ. Полезно в этой связи напомнить слова бийского купца А. Д. Васенёва, одного из самых успешных и просвещённых русских купцов на Алтае в начале XX века. Он писал: «Крайне желательно открытие русско-монгольских школ в Монголии, организация там медицинско-ветеринарной помощи. Это, несомненно, встретит горячее сочувствие со стороны местного населения. Русское правительство не должно относиться безучастно к событиям в Монголии. Чувствуется необходимость вмешательства в дела этой страны. Многолетнее существование торговли в Монголии даёт нам право на такое вмешательство. Необходимо создать между Россией и Китаем государство-буфер. Во всех отношениях удобнее иметь соседом мирную пастушескую страну, к нам расположенную, чем враждебно настроенных китайцев» [13, с. 18].

Многие из этих рекомендаций, особенно об открытии русско-монгольских школ и оказании «медицинско-ветеринарной помощи» Монголии, и поныне сохраняют всю свою актуальность. Некоторые, касающиеся «враждебно настроенных китайцев», стали достоянием истории. Сегодня довольно интенсивно развиваются трёхсторонние российско-китайско-монгольские отношения, особенно в плане создания общей дорожной инфраструктуры. Это очень важный геополитический сегмент формирующейся Большой Евразии, где необходимо особенно подчеркнуть значение постепенно строящейся меридиональной автомобильной магистрали, проходящей через российский Абакан на Ховд, столицу Западной Монголии, и далее на китайский Урумчи, столицу Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. В перспективе эта магистраль может связать Россию, Монголию и Китай с Индией, о чем речь шла выше.

В-четвертых, интеграция Большой Евразии, как альтернатива западному глобализму, ставит на повестку дня важнейший вопрос – **поиск и утверждение новой модели общецивилизационного развития**: не потребительской, не техногенной, не конкурентно-конфликтной, не либерально-капиталистической и не тоталитарно-социалистической, а опирающейся на примат культурных и экологических ценностей. Именно в области теоретической разработки и практического воплощения концепции новых цивилизационных отношений и лежит, на наш взгляд, главный ответ на вопрос, какой вклад может внести Россия в объединение Большой Евразии. Но эта уже тема отдельного обстоятельного разговора, где предметом анализа становятся не только синхронические (пространственные), но и временные (диахронические) аспекты цивилизационного существования.

В-пятых, **важнейшим российским регионом, призванным внести ключевой вклад в интеграцию Большой Евразии, является Сибирь**. Она обладает стратегическим цивилизационным потенциалом, превращающим её в ключевой локус развития не только России, но и всего

континента. Это касается и её геополитического положения на пересечении широтных и меридиональных транспортных и «цивилизационных коридоров» Большой Евразии; и её уникальных природных ресурсов, особенно водных, приобретающих ныне все большее значение; и исторически накопленного опыта межкультурного диалога и мирного сосуществования различных религий и культур. Наконец, именно Сибирь с её исключительно суровыми условиями жизни и гигантскими пространствами в наибольшей степени страдает от «рыночной ментальности» и заинтересована в цивилизационной трансформации к более справедливому и устойчивому глобальному мироустройству с приматом кооперации над конкуренцией; сохранения и рачительного использования биосферного потенциала, а не его хищнической эксплуатации. Жители Сибири объективно заинтересованы в утверждении ценностей нестяжательства и взаимопомощи между людьми и народами, в переходе к «зелёной» и нравственно ориентированной экономике, к социальной ориентированной политике государства, где важнейшей ценностью является не экономическая прибыль и экономия бюджетных средств, а здоровье людей и окружающей среды, а также создание культурных условий для всестороннего развития личности.

Все эти вопросы требуют комплексного междисциплинарного исследования Сибири, как сердце не только «малой», но и Большой Евразии [14].

Список литературы

1. Караганов, С. А. Россия – возвращение домой (вместо предисловия) // Вопросы географии. – 2019. – № 148 : Россия в формирующейся Большой Евразии. – С. 9–15.
2. Яковец, А. В. Большая Евразия: стратегия партнёрства цивилизаций и объединений : науч. докл. / А. В. Яковец, Е. Е. Растворцев. – Москва : МИСК, 2017. – 63 с.
3. Суслов, Д. В. Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России / Д. В. Суслов, А. С. Пятачкова // Вопросы географии. – 2019. – № 148 : Россия в формирующейся Большой Евразии. – С. 16–53.
4. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. – Москва : Эксмо, 2003. – 574 с.
5. Михалёв, М. С. Пояса и пути Евразии: в поисках человека / М. С. Михалёва, В. И. Якунин, М. В. Вилисов. – Москва : Наука, 2018. – 191 с.
6. Кортунюв, А. В. Вернётся ли Россия в Европу? // Вопросы географии. – 2019. – № 148 : Россия в формирующейся Большой Евразии. – С. 54–70.
7. Евразийская идея глазами монгола // Евразийские этюды – II : [сб. науч. ст.] / Н. Х. Цэдэв. – Улан-Батор : Соембо Принтинг, 2019. – С. 6–22.
8. Кожин, В. В. О русском национальном сознании: избранные статьи о наиболее актуальных вопросах Российского государства. – Москва : Алгоритм, 2002. – 384 с.
9. Панфилова, В. СМИ КНР призвали Киргизию и Казахстан вернуться в Китай // Вестник Кавказа, инф.-аналит. агентство : [сайт]. – 2014–. – Режим электронного доступа: https://vestnikavkaz.ru/material/299813?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 15.03.2020).
10. Алтай и Гималаи как уникальные культурные и биосферные регионы Евразии : [кол. моногр.] / [Л. Г. Апёнышева, Т. А. Артамонова, С. М. Белокурова [и др.] ; под ред. А. В. Иванова, И. В. Фотиевой]. – Барнаул : РИО Алт. гос. аграрного ун-та, 2017. – 336 с.
11. Иванов, А. В. Трансевразийские транспортные мегапроекты: проектные замыслы / А. В. Иванов, П. М. Гупта, Ю. В. Попков, И. В. Фотиева // Регион: экономика и социология. – 2017. – № 4. – С. 267–284.
12. Монгольский мир: между Востоком и Западом : [кол. моногр.] / под ред. Ю. В. Попкова, Ж. Амарсаны. – Новосибирск : Автограф, 2014. – 351 с.
13. Сибирский купец А. Д. Васенёв : [в 2 ч.] / сост., вступ. ст., прим., библиогр. А. В. Старцева. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – Ч. 2 : Документы и письма. – 112 с.
14. Иванов, А. В. Освоение и развитие Сибири как третий российский стратегический геопроект // Вестник Омского государственного университета. – 2019. – Т. 24, № 3. – С. 84–96.

Andrei V. Ivanov, Dr. of Philosophical Sciences, Professor
Altai State Agrarian University (Barnaul, Russia)
ivanov_a_v_58@mail.ru

Svetlana M. Zhouravlyova, Ph. D. of Philosophy Sciences, Associate Professor
Altai State Agrarian University (Barnaul, Russia)
jurav27@yandex.ru

THE BIG EURASIA: IDEA, CHALLENGES, GOALS OF RUSSIA AND SIBERIA

The reported study was funded by Russian Fund of Basic Research
and Social Research Expert Institute according to the research project no. 20-011-31304
*“Siberia for All Russia: the Essence and Mechanisms of Spiritual
and Ecological Civilizational Transformation”*

Abstract. From the points of civilizational approach, the paper analyses shades of meaning of a geopolitical term *Big Eurasia* included into scientific lexicon after declaration made by Xi Jinping, acting General Secretary of the Chinese Communist Party, in Astana (Kazakhstan), 2013, in which he announced a new international project *“Silk Road Economic Belt”* aimed at creation of integrated Eurasian economic space and a system of transcontinental (by land (railroad) and by sea) corridors. According to authors’ opinion, Big Eurasia includes megacivilizations of the East and the North (Inner or “little”) Eurasia (with Russia that belongs to the last one) that both are going through an integration era. The article gives a list of key challenges and problems that states (China, Russia) trying to reach a leader status in regional integration processes face with. Also, the paper highlights current tasks of Russian and Siberia in large geopolitical projects run in Eurasia.

Keywords: *Big Eurasia, North (“little”) Eurasia, Russia, Siberia, megacivilization, integration, civilizational approach, project “Silk Road Economic Belt”.*

УДК 248.158:338.482.22

DOI: 10.32340/2414-9101-2020-3-20-33

И. В. Леонов, доктор культурологии
Санкт-Петербургский государственный институт культуры (Санкт-Петербург, Россия)
ivaleon@mail.ru

И. В. Кириллов
Санкт-Петербургский государственный институт культуры (Санкт-Петербург, Россия)
os84@yandex.ru

А. О. Пиянтинов
Томский государственный университет (Томск, Россия),
Совет Каракольской долины (Горно-Алтайск, Россия)
piyantinov87@mail.ru

САКРАЛЬНЫЕ АРТЕФАКТЫ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМА ИХ ТИРАЖИРОВАНИЯ В СУВЕНИРНОЙ ПРОДУКЦИИ

Аннотация. Проанализирована современная практика изготовления и распространения предметов сувенирной продукции, в основу которой положена эксплуатация элементов знаково-символьного ряда сакральных артефактов различных этнических культур. Отмечены некоторые положительные и отрицательные аспекты массового производства сувениров, в конструктивном